

A detailed night scene of London. In the foreground, a brown and white tabby cat sits on a stone ledge, looking out over the River Thames. The background features the illuminated Houses of Parliament and the iconic Big Ben clock tower. The city lights reflect on the water's surface, and a full moon is visible in the dark, cloudy sky.

Елизавета Сбеглова

Хогарт:
Медь и любовь

Елизавета Сбеглова

Хогарт: Медь и любовь

<https://litres.ru/74338492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон, 1730-е. В мире, где порванное кружево предвещает скорое замужество, а сны сбываются, Джейн Торнхилл мечтает стать художницей. Но всё против неё: и отец, и общество, и её неуверенность в себе. Тогда она совершает невозможное: сбегает из богатого дома с бедным гравёром Уильямом Хогартом, чтобы тайно обвенчаться. Она отказывается от денег, статуса, семьи.

Но свобода обходится дорого: холодный дом, пустой кошелёк, косые взгляды. Она спасает кошку, которая живёт между мирами. А затем узнаёт о старинном кулоне. Джейн предстаёт выяснить, что за кроется за семейным преданием о кулоне.

Ей придётся спасти похищенного мужа и бороться с Тьмой, которая наползает на город ядовитым туманом, трещинами в земле и отравленными колодами.

Джейн не раз придётся делать невозможный выбор и она его сделает.

Это история о выборе, который невозможно сделать. О любви, которая не ломает, а даёт опору. И о женщине, которая отказалась быть чьей-то тенью и, пройдя через испытания, поверила в себя.

Содержание

Глава 1. Дочь художника. Часть 1	4
Глава 1. Дочь художника. Часть 2	11
Глава 2. Торнхиллы. Часть 1	18
Глава 2. Торнхиллы. Часть 2	23
Глава 3. Сэр Реджинальд. Часть 1	28
Глава 3. Сэр Реджинальд. Часть 2	34
Глава 3. Сэр Реджинальд. Часть 3	38
Глава 4. Карта силы. Часть 1	41
Глава 4. Карта силы. Часть 2	45
Глава 4. Карта силы. Часть 3	49

Елизавета Сбеглова

Хогарт: Медь и любовь

Глава 1. Дочь художника. Часть 1

Недалеко от дома, на выщербленном каменном краю старого колодца, примостился местный юродивый – мужчина лет сорока со спутанной бородкой и жалкими остатками всклокоченных волос. Обрывки когда-то дорогих кружев на истрёпанном камзоле были свидетельством того, что наряд блаженного знал и лучшие времена.

Безумец мерно раскачивался взад-вперёд, наклонялся к колодцу, прислушиваясь к чему-то, что мог слышать только он, а затем, вспомнив о своей великой миссии, воздевал руки к небесам.

– Одумайтесь, грешники! Комета летит! Летит, говорю вам!

Прохожие крестились, кто-то посмеивался. Женщина с корзиной яблок бросила ему огрызок, заставляя его замолчать. Юродивый поймал его на лету, смачно хрустнул и продолжил:

– И не смейтесь, дурачье! Помяните моё слово – сгорите в геенне огненной! Все до единого!

– Кроме тебя? – крикнул какой-то наглый мальчишка из

толпы.

Чудак на секунду задумался, почесал грязный затылок, оправил лохмотья и изрёк с неожиданным достоинством:

– И я тоже. Но мне не привыкать.

Он подскочил, отвесил шутовской поклон и большими скачками двинулся в сторону рынка.

Смотреть больше было не на что. Я захлопнула окно.

В гостиной пахло пылью и лавандой, набитой в филигранно вышитые саше, которые мать когда-то раскладывала между подушками. Подушек здесь было как цветов на июльском поле. Они лежали на диванах, на креслах, на подоконниках, и даже на полу у камина красовалась одна – круглая, с изображением лебедя, который, похоже, улыбался мне с издевательским сочувствием.

Другая, вышитая гладью, была такой жёсткой, что на ней, наверное, можно было подавать ужин. Ещё одна подушка, с отвратительными розовыми бутонами, норовила сползти на пол, стоило только на неё посмотреть.

Маменька умерла, когда мне было семь. Я помнила тепло её рук и звук голоса, но лицо – только по портрету в гостиной, написанному отцом. А вышитые ею подушки – те самые, что я презирала, – вечно напоминали об истинном предназначении женщины.

Я пнула вышитого лебедя. Он неодобрительно покосился на меня единственным глазом и уткнулся клювом в ковёр.

Утром мне часто приходилось завтракать в одиночестве.

Отец уже сидел в мастерской, работая над портретом, а я пила горячий шоколад из большой фарфоровой чашки и жевала вчерашние лепёшки с маслом и джемом. Шоколад – этот дорогой и модный каприз, заставлял отца ворчать всякий раз, когда приходил счёт от торговца.

Позавтракав, я должна была отнести чашку чаю в мастерскую отца, что стало нашей семейной традицией после смерти моего брата. Иногда, если отец был не в духе, он нарушал это правило и обходился без чая. А временами использовал как предлог, чтобы поговорить со мной о чём-то серьёзном. Например, о том, что мне пора подумать о замужестве.

– Джейн! – раздался из мастерской его голос. – Ты где? Чай остыл!

– Несу, отец! – крикнула я, схватила поднос с чашкой, которая уже давно была холодной, и пошла на голос.

Мастерская отца была моим запретным раем. Сюда мне не разрешалось входить без спроса, но я всё равно заглядывала каждый раз, ведь в мастерской всегда найдётся работа: собрать ветошь, испачканную красками, смахнуть метёлкой пыль. Здесь пахло льняным маслом, скипидаром и чем-то ещё, сладковатым и терпким одновременно, – манящим запахом настоящей жизни, в которой я мечтала участвовать, но могла только вдыхать его со стороны.

Я слегка запыхалась, торопясь принести чай быстрее и не расстраивать отца. Сэр Торнхилл стоял у большого холста, спиной ко мне, и что-то правил тонкой кистью. На нём была

старая, заляпанная краской льняная блуза, а на голове – чёрный бархатный берет, съехавший набок. Я поставила поднос на стол, где среди плошек с пигментами и засохших кистей едва нашлось место для чашки.

– Доброе утро, отец!

– Доброе утро, леди! Носишься как угорелая, – проворчал он, не оборачиваясь.

– А чай холодный, – отхлебнув немного, заметил отец.

– Вы не сказали, когда именно нести, – ответила я. – Я не провидица.

– Это заметно, – хмыкнул он.

Я разглядывала холст. Портрет важной дамы – судя по напыщенному выражению лица, обилию кружев и украшений, очень богатой и слишком недовольной жизнью.

– Красиво, – сказала я.

– Джейн, кто научил тебя льстить? – ответил он добродушно.

– Разве что нос у неё длинноват, – призналась я.

Отец резко обернулся. Я приготовилась к выговору, но он неожиданно усмехнулся – той редкой, почти беззвучной усмешкой, которую я слышала только когда он был доволен своей работой.

– Леди Грейс Стоун, – сказал он, – вчера прислала записку. Цитирую: «Мистер Торнхилл, мне кажется, мой нос на портрете получился несколько длиннее, чем на самом деле». Представляешь? Нос! Я его писал с натуры, между прочим.

– Может, ей просто не нравится её собственный нос, – сказала я.

– Тогда пусть закажет новый, – буркнул отец и снова повернулся к холсту. – Ладно, ступай. И руки вымой. Томас Крофт придёт с минуты на минуту, а ты как трубочист.

– Это уголь, который выпал из камина, – сказала я, сжав пальцы в кулак. – Пришлось вернуть его назад.

– Уголь бывает чёрным, и только у тебя – графитовым, – усмехнулся он. – Я не слепой, Джейн. И не глупый. Но продолжай делать вид, что я ничего не замечаю, это нас обоих устраивает.

Я вышла из мастерской, сжимая кулаки, чтобы не ответить что-нибудь резкое.

Устроившись в гостиной, я взяла уголь и принялась делать набросок лица женщины, которая утром стояла у колодца с корзиной яблок. Рисовала быстро, не думая, – рука сама вела линию за линией. Немного отстранившись, я взглянула на набросок – рисунок как рисунок, уголь, бумага. Но на минуту я замерла. Женщина на рисунке смотрела на меня живым взглядом, только из какого-то неведомого мне мира, её взгляд был так выразителен, что мелькнула мысль – ещё мгновение, и она заговорит со мной.

В этот момент в комнату зашла Бетти, старая служанка, которая вела наше хозяйство. Увидела мой набросок и вздрогнула.

– Господи, мисс Джейн, она же живая! – воскликнула она,

прижимая руку к груди.

Я была рада – значит, не показалось, и рисунок на самом деле удался, но внутри пробежал лёгкий холодок – я и сама чувствовала то же, что и Бетти. Это не стало полной неожиданностью. Иногда случалось, что я просто рисовала, как умела, – и вдруг рисунок обретал жизнь, а мне казалось, что я коснулась чего-то неведомого. Почему иногда такое происходит, мне было совершенно непонятно. От этого захватывало дух, но было совершенно необъяснимо.

– Пустое, Бетти, – сказала я, откладывая рисунок. – Вам привиделось.

Но рисунок я всё-таки спрятала в сундук под замок, подальше от чужих глаз.

Меня зовут Джейн Торнхилл, мне девятнадцать, и я дочь Джеймса Торнхилла, которого весь Лондон считает одним из лучших живописцев нашего времени. На мой взгляд, он просто упрямый старик, который уверен, что женщина рождается, чтобы вышивать подушки и радовать глаз супруга, но точно не для того, чтобы прикасаться к холсту.

Я же была настоящей дочерью художника – рисовала, сколько себя помню. Отец относился к этому, как к детским шалостям и был уверен, что с возрастом я стану умнее и это пройдет само собой.

Вечером отец позвал меня в гостиную. Он сидел в кресле у камина, где уже давно не горел огонь, и смотрел на меня тем самым взглядом, который я знала с детства: по нему я

заранее понимала – отец решил сказать что-то важное, но не знал, как это сделать.

Глава 1. Дочь художника. Часть 2

– Джейн, – сказал он. – Сегодня утром я получил приглашение от леди Хардвик. Её сын, лорд Уильям, женится на дочери графа Сомерсета. Нас пригласили на торжество.

– Я рада за них, отец, – ответила я, не понимая, к чему он клонит. Он крутил в пальцах сигару – из тех, что привозил ему богатый заказчик откуда-то издалека. Когда сигары кончались, в трудную минуту отец просто перебирал пальцами, перекатывая невидимую сигару. А я знала: если уж дело дошло до этого жеста, ждать можно чего угодно.

Разумеется, ты должна понимать, – сказал он, задумчиво глядя на сигару, – что подобные события – лучшая возможность подыскать достойного спутника. Лорд Хардвик, между прочим, спрашивал о тебе. У его племянника, сэра Ричарда Малгрейва, прекрасное поместье в Кенте и, говорят, характер покладистый.

– Характер покладистый? – переспросила я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. – Это только для овцы благодетельное качество, папенька. Я выхожу замуж за человека, а не за его доходы с овечьей шерсти, будь он трижды покладистым.

– Не дерзи, – нахмурился он. – Я говорю серьёзно. Тебе уже девятнадцать, и пора подумать о будущем.

– Я и думаю, сэр, – вспылила я, стараясь, чтобы голос зву-

чал спокойно. — Я думаю, что хочу рисовать, хочу учиться. Я должна стать художницей, а не женой какого-нибудь покладистого сэра Ричарда Шон, который всегда будет считать, что даже его портрет важнее, чем моя жизнь.

Отец посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, в котором было что-то, чего я не могла разобрать — то ли боль, то ли презрение, а может, сожаление?

— Ты не будешь художницей, — сказал он. — Женщины не становятся художницами. Это не я придумал, такова жизнь. Ты можешь рисовать для себя, в своей комнате, когда никто не видит. Но ты не сможешь выставлять свои работы, не сможешь продавать их, не сможешь жить этим. Ты умрёшь с голоду, если рядом не будет человека, на которого можно рассчитывать.

На моих щеках проступили белые и красные пятна. Я знала, как это выглядит со стороны — мама когда-то говорила, что в такие минуты на моём лице разыгрывается Война Алой и Белой роз. Мне было не до шуток. Как было не расстраиваться, когда несмотря на умение владеть собой, эта особенность выдавала мои чувства с головой?

— Если мой удел — вышивать подушки и ждать, пока жизнь пройдёт мимо, то я уж лучше останусь без ужина. И без мужа.

Отец встал, подошёл к окну и долго смотрел на улицу, где в сумерках зажигались первые фонари, а тени от них ложились на мостовую длинными, изогнутыми полосами, похо-

жими на руки, которые тянутся к чему-то, но не могут дотянуться.

Я глядела на его профиль, резко очерченный на фоне окна. Голова отца была слегка вздёрнута, выражая напускную уверенность в своей правоте, а голос его был твердым и ровным, без единой трещины – как лёд на Темзе в январе. Я смотрела на его спину со злостью, понимая в то же время, что отец мне дороже всего на свете.

– Я не буду тебя заставлять, – сказал он. – Но запомни: если ты свяжешь свою жизнь с тем, кто тебе не пара, ты пожалеешь.

Он развернулся и вышел, оставив меня в комнате, где я устала сидеть на пустой камин, в котором огонь уже потух.

Я поймала себя на том, что грызу ноготь на большом пальце – дурная привычка, от которой так и не удалось избавиться с детства. Не помогали даже увещевания матери, которая говорила, что у леди должны быть красивые руки, а не обгрызенные ногти.

Мне эта привычка не очень мешала, но я корила себя за то, как повела себя с отцом. Как маленькая глупая девчонка, которая топнула ногой и выкрикнула: «Я буду художницей!» А что за этими словами? Упрямство? Да. Талант? Возможно. Но что я знаю о том, какова она – жизнь художника? О холсте и красках, о грунтовке и лессировке – всё, чему учил меня Джон. Но о настоящей жизни художника – о заказах, о деньгах, о том, как выжить, когда никто не хочет покупать

твои картины, — я не знала ничего. А вот отец это знал.

Он говорил со мной как человек, который сам прошёл этот тяжёлый путь. Он боялся за меня, а я в ответ топнула ногой.

Может быть, он прав. Может быть, женщина и в самом деле не может стать художницей — не потому что ей не дано, а потому что весь мир против неё. Потому что ни одна галерея не примет её работу. Потому что заказчики будут смотреть на неё с недоумением. Потому что даже если у неё есть талант, ей придётся пробивать стены, а не рисовать.

Но и это меня не убеждало, я закрывала глаза и видела линию, оставленную углём. Живые штрихи, именно такие, каким учил меня Джон, набрасывая их легко, почти не касаясь бумаги. «Не думай, — говорил он. — Рука сама вспомнит».

Я открыла глаза. Пустой камин. Остывший чай и тишина, но линия всё ещё там, внутри моего существа.

Отец любил меня и желал только добра, он не всегда был таким категоричным. Его семья была родовитой, но обедневшей. Маменька рассказывала мне, что в юности, когда он только приехал в Лондон из провинции, у него не было ни гроша за душой. Он спал в каморке под самой крышей, питался хлебом и водой, а по ночам рисовал при свете сального огарка.

Его путь к славе начался с удачи. Когда он был учеником в мастерской одного известного художника, в его отсутствие приехала знатная заказчица. Она увидела портрет, который

Джеймс тайком писал в углу. Её поразило не мастерство художника, а то, что в написанном портрете была заключена сама жизнь. Изображенный на холсте господин был таким настоящим, таким живым, что даме показалось: ещё мгновение, и он покинет картину и протянет вам руку. Именно тогда, в той гостиной, всё и решилось.

После того, как Торнхилл написал портрет дамы, по Лондону поползли слухи о чудо-художнике и его необычном даре, и с этого дня заказы потекли рекой. Отец почтительно простился с учителем и открыл свою мастерскую. Скоро в очереди на его портреты стояли герцоги и графы.

Затем наступил черёд росписей на потолке Расписного зала. Там, наверху, кипела жизнь: короли и боги, морские чудовища и ангелы, шторма и триумфы. Роспись поражала воображение посетителей, их целиком поглощала мысль, что через мгновение своды разверзнутся, обнажая небеса. Отец называл это Сикстинской капеллой Англии. Я знала, что полюбоваться на его творение каждый считал делом чести.

Позднее Торнхилл показал мне купол собора Святого Павла, тоже расписанный его рукой, тогда я и поняла, что такое настоящая слава. Не та, что покупается за деньги, а та, что остаётся на века.

Отец разбогател, выкупил родовое поместье и получил рыцарское звание – первый из английских живописцев, удостоенный такой чести. Он заседал в парламенте, дружил с вельможами и даже был представлен королю.

Заказы шли потоком, так что он с трудом успевал. Он нанял учеников, которые выполняли часть работы, а сам он правил лица, исправлял допущенные подмастерьями неточности и ставил подпись в углу картины.

Он работал так много, что постепенно утратил дар создавать живые изображения. Но это не отразилось на его мастерстве, а картины оставались такими же прекрасными и по прежнему восхищали ценителей.

Иногда я смотрела на отца и думала: вот человек, который всего добился сам. Но который не хочет, чтобы я тоже чего-то достигла. Он смотрит на мои рисунки и видит то, что когда-то потерял и хочет для меня спокойной жизни без потрясений и горьких разочарований. Но не понимает, что самым страшным моим потрясением, крахом моей жизни, станет невозможность рисовать. И не понимает, что его забота только отдаляет нас друг от друга.

Я придвинула кресло к окну и устроилась в нём с ногами. В детстве маменька ругала меня за это – «не сиди так, это неприлично». Но её не было уже много лет, и когда меня никто не видел, я сидела как хотела.

За окном стало ещё темнее. Где-то вдалеке, в сгущающихся сумерках, зажёгся первый фонарь, отбрасывая на мостовую длинные, пляшущие тени. Крики разносчиков, продававших остатки товаров, постепенно стихали, уступая место одинокому лаю собак и далёкому грохоту телег, направлявшихся к заставам. Фигура тощего пса, который сидел на ме-

сте, где недавно пророчествовал юродивый, казалась единственным живым существом, кроме меня, в этом сером, уга-сающем мире.

Мне хотелось рисовать с того времени, как в моей детской руке впервые оказался уголёк. Это было сильнее меня. Я восхищалась портретами, которые писал мой отец, но меня они не привлекали. Я не хотела тратить силы на изображение богатых дам с длинными носами, на эти безжизненно правильные картины, которым учат в академиях. Моей мечтой было выражать на полотне то, что я чувствовала сейчас – этот вечер, этот город, этого пса на холодном камне, эту тоску, которая разливалась в груди, как тёплое молоко.

Но я понимала, что ждёт меня не заветная живопись, а пушистая метёлка для пыли, вышивание, чай ворчание отца, сплетни с подружками и нежеланное замужество.

– Но так не должно быть, я должна что-то изменить, – прошептала я в пустоту.

Ответа я не ждала. Только увидела, что пёс внизу поднял голову в мою сторону и снова принялся вылизывать лапу. Тяжёлая штора у окна шевельнулась без ветра, и в тот вечер я была готова поверить, что это хорошее предзнаменование.

Глава 2. Торнхиллы. Часть 1

Мой брат Джон унаследовал от отца всё, что я хотела бы получить: его внимание, его талант, родительскую веру, что он продолжит семейную династию великих художников. Брат был старше на пять лет, высокий, светловолосый. Его изящные пальцы были созданы, чтобы держать кисть.

Когда папенька пребывал в хорошем настроении, Джон брал на себя роль моего наставника. Он показывал, как правильно наносить грунт, делать набросок, держать кисть или рассказывал, как смешивать краски. Я с жадностью впитывала его уроки и обожала его той глупой, восторженной любовью, какой маленькие девочки любят старших братьев.

Тогда у меня ещё не было ненависти к подушкам – я их просто не замечала. Отвращение к ним проснулось только после того, как умер Джон. Когда мне было четырнадцать, я была убеждена, что меня ждёт путь художницы. Тогда эта вера была также сильна, как знание о том, что солнце встаёт на востоке, а Темза течёт к морю. Отец тогда ещё не думал о моём замужестве, а Джон был жив и учил тонкостям живописи, которые перенял от отца.

– Чувствуешь, Джейн? – спрашивал он, нажимая моей ладонью на мягкий грунт. – Холст должен дышать. Не дави, а гладь.

Я кивала, хотя ничего не понимала. Я чувствовала толь-

ко тепло его пальцев и наблюдала, как золотистое льняное масло оставляло пятна на моей одежде. Тогда я была уверена, что если я буду очень стараться, однажды отец скажет: «Джейн, иди сюда, попробуй сама». Но он учил только Джона.

Я сидела на лестнице, прижимаясь щекой к холодным перилам, и смотрела в щель между косяком и дверью. Отец стоял у мольберта, говорил о светотени, о рефлексах, о том, как правильно смешивать берлинскую лазурь с охрой, чтобы передать цвет лондонского неба.

– Женщины никогда не понимают таких вещей, – говорил он. – У них нет чувства объёма, нет чувства цвета. Недаром принято, что они должны заниматься домашним хозяйством.

Я сжимала кулаки и молчала. Потому что если бы я закричала, что понимаю, что чувствую, что вижу этот чёртов рефлекс от зелёного сукна не хуже, чем он, меня бы просто выставили за дверь и велели не мешать.

Джон знал. Он ловил мой взгляд, когда отец отворачивался, и чуть заметно улыбался. А потом, когда урок заканчивался и отец уходил пить чай, он манил меня пальцем.

– Иди сюда, – тихо говорил он. – Я тебе покажу, как наносить грунт ровным слоем.

Я торопилась в мастерскую, где мы возились с холстами, пачкали руки и смеялись.

– Я знаю, Джейн, – совершенно серьёзно сказал он одна-

жды, – ты станешь великой художницей. Ты будешь лучше меня, потому что истоки твоего таланта там же, где звёзды черпают свой свет, – в тех глубинах, где рождаются сны и предзнаменования.

– Отец говорит, женщины не могут..., – смутилась я, хотя никогда не сомневалась в своём предназначении.

– Отец ошибается, – перебил он. – Он старый и упрямый, а ты – молодая и талантливая. Не бросай.

Когда Джон говорил это, я верила ему слепо. Верила так, что в душе что-то вспыхивало, а пальцы невольно тянулись к кисти и наносили мазок за мазком на чистый холст. Но проходил день, другой – и его слова отодвигались куда-то вглубь, как эхо, которое ещё слышно, но уже не разобрать.

Я ловила себя на том, что смотрю на свои наброски иначе. Вот линия – она дрогнула. Вот тень – легла не туда. Уголёк в пальцах становился тяжёлым, я откладывала его, вытирала руки о передник и садилась к окну. Там, за стеклом, жил привычный Лондон: мастеровые и другой люд, пронырливые мальчишки, экипажи, тощая собака с вечно поджатым хвостом – всё на своих местах. И только моя вера в себя медленно тонула, погружаясь в болото сомнений.

Однажды я наткнулась на старый набросок Джона – он рисовал ту же уличную сцену, что и я накануне, но каким же лёгким и уверенным был его набросок! Я разорвала свой рисунок, сунула обрывки под кровать и долго сидела, вцепившись в накрахмаленное покрывало, которое захрустело

под пальцами. Может, отец был прав, а все мои стремления – просто детская блажь.

Но наутро я снова бралась за уголь. Это получалось само собой, наверное из страха, что если перестану рисовать – исчезну совсем. Останется только послушная дочь, которая вышивает подушки и ждёт замужества. Этот страх заставлял меня браться за рисунки снова и снова, пока задуманное не начинало получаться.

Завтра отец должен был уехать к заказчику и мы с Джоном договорились продолжить занятия.

Я проснулась утром, предвкушая занятия в мастерской. А когда вышла в холл, увидела, как от стены к стене мечется птица. Чёрная, с красным пятном на груди, она обезумела от невозможности отыскать выход. Бетти открыла окно, и она вылетела на улицу. Никто не придавал значения этому событию.

Но занятие в мастерской пришлось отложить – Джону нездоровилось. Лихорадка скрутила его за три дня. Когда начался жар, никто не мог предположить что-то плохое. Потом он провалился в беспамятство, а его голова со спутанными волосами металась по подушке. Я сидела около постели Джона, загадав, что если буду рядом, это поможет ему выкарабкаться, он откроет глаза и я услышу его очередную добрую шутку из тех, что он нередко отпускал, увидев меня.

Но я переоценила свои возможности и мои бдения у постели Джона не помогли. Он бредил, поочерёдно звал ко-

го-то из нас, но никого не узнавал, а потом наступила тишина. Эта тишина поглотила наш дом на несколько недель. Прислуга передвигалась по дому украдкой, отец запер мастерскую и не выходил из своей комнаты. А я осталась одна, лишившись брата, а вместе с ним и надежды когда-нибудь в открытую, а не тайком взять в руки кисть.

Отец перестал выходить из своей комнаты и я осталась одна – с щемящими воспоминаниями о Джоне, с ненавистью к дурацким подушкам, которые никогда не смогли бы заменить живопись, и с проклятым ощущением, что моя жизнь кончилась, даже не начавшись.

Глава 2. Торнхиллы. Часть 2

По утрам я просыпалась и, не в силах встать с постели, подолгу лежала, закрыв глаза. Бетти приносила еду – я смотрела на тарелку и отворачивалась. Я бродила по дому, бессмысленно крутила в руках вещи брата, которые ещё хранили его запах: галстуки, рубашки, какие-то личные мелочи.

Однажды я зашла в мастерскую – прикоснуться к вещам, которые совсем недавно держал в руках Джон. На столе лежал его почти до огрызка сточенный карандаш. Незаметно для себя самой этот огрызок очутился в руке, и я начала рисовать.

Сначала неуклюже, но с каждым днём всё увереннее. Я рисовала Джона – по памяти, по голосу, который всё ещё звучал в голове. Бетти у плиты. Соседского пса, который спал у калитки. Облака над крышами – тяжёлые, свинцовые, похожие на заблудшее стадо грязноватых овец.

Отец почти не заходил в мастерскую и никого не принимал дома. Он даже отложил работу над заказанными полотнами, по-прежнему запирался в своей комнате, и молчал. А моя скорбь стала прорываться в рисовании. Я знала, что меня сейчас некому выгнать из мастерской, и рисовала целыми днями, как одержимая. В эти минуты я ощущала, что рисунки забирают часть моей боли. Это занятие поглотило меня целиком и стало моей тайной связью с братом.

Когда отец наконец начал приходить в себя и снова взялся за кисти, он застал меня за работой. Он вовсе не обрадовался, застав меня в мастерской. Вместо этого он замер и побледнел.

– Что это? – спросил он, глядя на мои наброски.

– Я рисую, папа, – ответила я.

Он долго молчал. Потом сказал тихо, почти без выражения:

– Женщинам не место в мастерской, попробуй найти себе другое занятие. Вышивай, если нечем заняться.

Я хотела спорить, но он уже вышел, плотно закрыв за собой дверь.

С того дня я стала прятать свои рисунки. И рисовала только в часы, когда никто не мог застать меня врасплох, часто – по ночам, при свете сального огарка, когда дом затихал.

Через некоторое время в отцовской мастерской появился Томас Крофт. Талантливый, прилежный, хорошо воспитанный. Он писал правильно, но как-то безжизненно. Портреты, которые выходили из-под его кисти, были точны, но изображения были лишены жизни, как набитые соломой чучела птиц, которым никогда уже не взлететь. Художник и сам это понимал, поэтому и пришёл учиться к моему отцу.

Я почти не замечала сэра Крофта, пока не поняла, как он на меня смотрит. Не грубо, не навязчиво, но дольше, чем допускают приличия. Его взгляд я чувствовала кожей, даже когда стояла к нему спиной.

В то утро я сидела с альбомом в гостиной – там было светлее, чем в моей комнате, и я надеялась, что никто не войдёт. Я заканчивала набросок углём, когда услышала шаги и голос Бетти:– Мисс Джейн, к вам мистер Крофт!

– Бетти, будьте любезны, проведите мистера Крофта в гостиную.

О том, что он вошёл, я поняла по внезапно возникшему цветочному аромату. Высокий, светловолосый гость держал перед собой внушительный букет луговых цветов, которые, судя по всему, были сорваны где-то за городом – в Лондоне такие не росли. Другой рукой он держал цилиндр, нервно постукивая пальцами по его полям.

– Мисс Торнхилл, – он поклонился, и букет вежливо качнулся вместе с ним в мою сторону. – Надеюсь, я не отвлёл вас от важных дел?

– Вовсе нет, мистер Крофт, – ответила я, приседая в книксене. – Рада вас видеть.

– Как здоровье вашего батюшки? – Он задал этот вопрос старательно, похоже было, что он повторял фразу про себя всю дорогу.

– Благодарю, он в добром здравии, работает себе в мастерской.

Повисла пауза, во время которой Крофт переминался с ноги на ногу, переводил взгляд то на цилиндр, то на букет цветов, не понимая, что из этого вручить мне. Потом, видимо, очнувшись, протянул мне букет:

– Это вам, мисс Торнхилл. Они свежие. Я нарвал их за городом... в Лондоне такие не растут.

Его рука неуверенно поднялась к груди, пальцы быстро, сверху вниз, пробежались по пуговицам, как по клавишам верджинала. Затем Крофт отдернул руку, полез в карман за платком и смял его в кулаке.

Я взяла букет. Цветы пахли мёдом и чем-то горьковатым, напоминавшим о солнечном лете, которого в Лондоне никогда не бывает.

– Спасибо, мистер Крофт, – сказала я. – Очень любезно. Он помялся, явно не зная, что сказать дальше. Увидев рисунок, Крофт спросил:

– Вы... вы рисовали сегодня? Бетти сказала, что восхищена вашими рисунками. Я вижу, что она права, – он переводил взгляд с рисунка на моё лицо.

– Это просто так, – ответила я, опустив глаза и переворачивая рисунок лицом вниз. – От нечего делать.

– У вас талант, мисс Джейн, – сказал он, и в его голосе не было лести – только грустная, почти завистливая искренность. – Вы видите то, чего не вижу я. Если бы я мог рисовать так, я был бы счастлив.

Он поклонился и вышел, оставив меня стоять с цветами в руках и странным чувством, которое я не могла определить. Мне было жаль его, но в то же время я чувствовала, что его отношение ко мне слегка удручает.

Я поставила цветы в небольшую фарфоровую вазу с тре-

щинкой на боку – мама когда-то привезла её из путешествия, и с тех пор ваза стояла в буфете, никому не нужная. Теперь из неё торчал пёстрый букет полевых цветов, отчего комната стала чуточку светлее – будто маменька на мгновение вернулась и одобрила. Я ещё немного полюбовалась цветами, их естественной, слегка простодушной красотой и пошла собираться к подруге на чаепитие.

А вечером, уже лёжа в постели, я снова вспомнила Джона. Не его последние дни, нет. Другие – те, когда мы прятали учебники от сэра Реджинальда и давились от смеха за столом, пока учитель поправлял съехавший парик. Тогда всё было иначе. Тогда мой дорогой Джон был рядом.

Глава 3. Сэр Реджинальд. Часть 1

Оглядываясь назад, я без труда вижу себя маленькой – в жёлтом платице, с прядями каштановых волос, которые вечно выбивались из косичек. Меня с утра до вечера переполняла энергия, поэтому взрослым приходилось призывать меня к порядку, усаживая в кресло на какое-то время. А когда я не бегала по дому, любила сидеть перед окном, ведь на улице было столько всего интересного! Но в какой-то миг отец решил, что наступила пора дать образование Джону.

Хотя девушкам учёность была ни к чему, отец, зная моё любопытство и непоседливость, был только рад, что я с большим интересом стала ходить на уроки для Джона. Лишь бы не мешала брату учиться и перестала думать о красках и кистях. Поэтому мы постигали древние науки на пару с братом.

Так в нашем доме появился сэр Реджинальд. Правда, отец поначалу сомневался, принимать ли его на службу, но тот принёс рекомендательные письма от каких-то учёных обществ, названия которых звучали так внушительно, что отец махнул рукой: «Делайте что хотите, только чтобы толк был».

Когда мы познакомились с учителем ближе, я поняла, что в его жизни мы с Джоном занимали второе место, а первое непоколебимо занимала натурфилософия и стремление объяснить все тайны природы.

– Мистер Торнхилл, – говорил учитель моему отцу, од-

новременно стараясь придать своему парикку симметричное положение на голове, – Джентльмен должен понимать законы природы. А природа, как известно, полна симпатий и антипатий. Я горд, что ваш сын подаёт большие надежды благодаря своему пытливому уму.

До начала занятий с сэром Реджинальдом, который обычно представлялся исследователем натурфилософии и больше всего почитал физику предзнаменований, я считала, что приметы – это просто приметы. Я знала, по ним заранее можно узнать, что тебя ждёт в будущем, а маменька научила, как сделать, чтобы нехорошие приметы не могли сбыться.

Она мне внушала, что если дорогу перебежит чёрная кошка, значит, впереди ждут препятствия. Чтобы ничего плохого не случилось, требуется плюнуть через левое плечо. Но я должна помнить, что леди не может позволить себе плевать как сапожник, поэтому вполне достаточно дотронуться до пуговицы на одежде, проходя там, где пробежала кошка. Рассыпанная ненароком соль предвещает неприятности, но их можно было избежать, если бросить щепотку рассыпанной соли через плечо. И не дай бог разбить зеркало – в этом случае семь лет несчастий гарантированы. Но и тут был способ их предотвратить, если мокрым веником, не глядя на отражения в осколках, замести их и выкинуть подальше от дома. Правда, на этих и других приметах мои знания о магическом мире заканчивались.

Наш учитель показал, насколько малы были мои знания, потому что тонкий мир таинственных явлений оказался куда сложнее, а в чём-то и гораздо опаснее.

Я и подумать не могла, что даже со сновидениями всё было не так просто. В нашей домашней библиотеке был «Атлас сновидений» в нескольких тяжёлых томах. Эти книги я постоянно брала с собой, идя спать и засыпала, любуясь невероятно красивыми, просто волшебными рисунками. Мама рассказывала, что Атлас – самое полное собрание изученных и научно подтвержденных разгадок снов. Но только от учителя я узнала, что есть целые науки, посвящённые таким таинственным вещам, как приметы, сновидения, знамения.

Впервые я увидела нашего наставника из окна, когда он шёл к входу по подъездной дорожке. Прямо на меня двигалось нечто целеустремлённое в шляпе необъятных размеров, поля которой свисали чуть ли не до плеч. Шляпа придавала учителю сходство с перепуганным, но целеустремлённым грибом, который сбежал с лесной поляны и теперь быстро семенил к нашему дому.

Его головной убор жил своей независимой жизнью: если учителя охватывало волнение, шляпа съезжала на левый глаз, когда он был чем-то недоволен – на правый. В руках учитель постоянно крутил маятник – большую хрустальную бусину на нитке – прибор для измерения «симпатических вибраций» и стеклянную палочку, которой можно было «от-

водить дурные флюиды».

Учитель поселился в комнате рядом с залом, где проходили занятия. На урок он обязательно прихватывал синюю сумку, потёртую, с медными пряжками и ставил её в углу комнаты. В сумке хранились предметы, которые сэр Реджинальд называл «инструментарием симпатической физики».

По каким-то одному ему ведомым причинам наш учёный друг никогда не разговаривал с прислугой. Он не устаивал общением ни Бетти, ни дворецкого, ни кухарку. Когда ему что-нибудь требовалось, он писал на клочке бумаги список того, что ему нужно – чай, свечи, уголь для камина, – и клал записку на столик в холле. Слуги, в свою очередь, оставляли ему ответные послания.

Однажды, сразу после появления учителя в доме, Бетти спросила его, не желает ли он поджаренного хлеба к завтраку. Сэр Реджинальд побледнел, попятился, прижал руку к сердцу и прошептал: «Сударыня, прошу вас, никаких симпатических флюидов! Только письменно». С тех пор Бетти обращалась к нему через записки, а лакей ставил подносы с едой на стуле у двери, не заходя в комнату.

Моё особое внимание привлекал учительский жилет. Какое-то время я пыталась сосчитать, сколько на нём карманов – разной величины и формы. Но при каждом пересчёте их становилось то больше, то меньше. Мне надоело состязаться в ловкости с ускользающими от учёта карманами, и я оставила эту затею.

Однако карманы продолжали оставаться в центре моего любопытства. Не столько сами по себе, сколько их содержимое. Они были набиты всякой всячиной, которую сэр Реджинальд попеременно доставал. Никогда нельзя было угадать, что на этот раз наш наставник вытащит из кармана: кусочек мела для заметок на манжетах, лупу, запасной маятник, сушёного паука «для измерения арахнидных колебаний», носовой платок, который он почему-то называл «абсорбентом симпатических выделений» или другую диковинку, назначение которой было совершенно непонятно.

Я так и не смогла понять, что стоит за названиями большей части научных приборов, которыми так мастерски жонглировал сэр Реджинальд перед нашими носами, чтобы объяснить очередной закон Вселенной. Может быть, те, кто утверждал, что женский ум не способен постичь строгую науку, были правы? Но тогда почему Джон, мужчина, который к тому же куда умнее меня, тоже ничего не понимал и только тихо хихикал в углу?

Однажды Джон не выдержал и спросил, что лежит в синей сумке. Учитель, похоже, давно ждал этого вопроса. Он с гордостью извлёк засушенную лапку крота и стал объяснять, что это прибор «для измерения сейсмических предзнаменований». Потом он извлёк из сумки окаменевшую раковину – «амулет против неверных толкований» и стеклянную банку с тремя мёртвыми жуками, пояснив, что это «контрольная группа». Джон потом долго смеялся, я же заподозрила, что

половина этих «инструментов» просто подвернулась учителю под руку, когда он собирался на уроки.

– Итак, мисс Джейн и мистер Джон, – начал он своё первое занятие, когда мы с Джоном устроились за столом в гостиной, – Сегодня мы поговорим о Прагматической оменологии.

– О чём? – уточнил Джон, который терпеть не мог длинных слов.

– О науке примет, мой мальчик. О том, как предзнаменования влияют на нашу жизнь и как можно использовать это знание во благо.

Глава 3. Сэр Реджинальд. Часть 2

Я взглянула на Джона, который в ответ закатил глаза. До сих пор приметы были чем-то само собой разумеющимся – нас с детства учили не есть из посуды с трещиной или стучать по дереву, не вдаваясь в теорию. Но я даже не подозревала, что это – целая наука.

– По вашим глазам я вижу, вы полагаете, что перед вами старый чудак с сушёными кротами в карманах. Что ж, попробую вас переубедить и донести до ваших неокрепших умов, что знание и умение думать может не просто когда-нибудь пригодиться, но даже спасти вашу жизнь. А сейчас откройте тетради, запоминайте и записывайте, это очень важно.

Мы с Джоном переглянулись, но тут же послушно открыли тетради и приготовились слушать.

– Этот мир состоит из видимой и невидимой части, причем последняя может сильно влиять на первую, – начал он, расхаживая по комнате. – При этом влияние невидимых сил может оказаться разрушительным. Иногда мы можем предугадать их и даже предотвратить, если внимательно следим за приметами или сновидениями.

Сэр Реджинальд замолчал на некоторое время, глядя в пол и пошевеливая носком ботинка длинный ворс выцветшего ковра.

– Итак, продолжим, – очнулся он от раздумий, – Симпа-

тические связи первого уровня. Все предметы и явления в мире симпатически связаны между собой. Все это знают и сталкивались с приметами и с тем, что они предсказали. Рассыпанная соль, зеркало... Хотя нет, зеркало – это, скорее, про отражение реальности, а не про симпатии. Впрочем, это неважно.

– Сэр Реджинальд, можно ли сказать, что симпатические связи – это то, как одни предметы влияют на другие? – уточнил Джон. – А мой день пойдёт наперекосяк, потому что я рассыпал соль. А если я разобью зеркало, так это вообще, на семь лет затянется. И всё из-за того, что между разбитым зеркалом и неприятностью, которую оно предсказывает, есть симпатическая связь? – уточнил Джон.

– Почти верно, молодой человек, – улыбнулся учитель. Это почти так, но ты ошибся и поменял местами причину и следствие. Твой день не задался совсем не потому, что ты проспал соль, или твой путь перебежала черная кошка. И соль, и кошка – это не причина беды, а всего лишь знаки, которые предупреждают: тебя ждёт неприятность.

– Значит, я перевернул всё вверх ногами, – растерянно произнёс Джон.

– В этом нет ничего странного, многие именно так всю жизнь и считают, и как-то с этим справляются. Наш мир построен на симпатиях и антипатиях, хотя в нём остаётся ещё много неизученного, – развёл руками наставник. – Эти силы действуют всегда, хотя нередко слабо и хаотично. Однако их

иногда можно обратить, например, постучав по дереву. Это действие разрывает симпатическую связь между неприятностью и приметой и тогда ничего дурного не происходит.

Мы с Джоном уже и не вспоминали, что совсем недавно могли хихикать над тем, что узнавали от сэра Реджинальда. Более того, теперь мы боялись пропустить что-то из сказанного и мы незаметно для себя превратились в примерных учеников, записывая всё, что только что слышали.

– Но симпатические связи – ещё не всё, на чём строится наш мир. Некоторые люди наделены особым даром, он зовётся «Искрой». Одарённые люди способны вкладывать жизнь в свои творения – картину или книгу. Ваш отец, мисс Джейн, когда-то владел этим даром. Это другой род сил, они называются творящими.

– Сэр Реджинальд, а откуда они берутся – эти творящие? – задала я вопрос. – Мой отец – знаменитый художник, но как она стал творящим? Он, к тому же, ничего мне об этом не говорил.

– В основном Искра передаётся по праву крови – из поколения в поколение, но достаивается ей не каждый. Этот дар проявляется, если среди предков был кто-то из древних жрецов, кто первым поставил Камень и заточил Тьму по земле. Людей, которые унаследовали искру, называют Наследниками.

– А как ещё можно стать творящим?

– Есть и другая возможность – получить Искру по праву

знания, которое передаётся от Хранителя к Хранителю. Этого можно достичь долгими годами обучения. Это подобно ремеслу, которое постигается долгим и тяжёлым путём, так что не каждый доходит до конца.

Глава 3. Сэр Реджинальд. Часть 3

– И зачем нужен такой сложный труд, ради чего хранить эти знания? – с недоумением спросила я, так как не могла представить, зачем кому-то могут понадобиться знания, о которых большинство людей и не подозревает.

Сэр Реджинальд прошёлся по комнате из угла в угол, обошёл кресло и запнулся об него, с трудом удержав равновесие.

– Никто точно этого не знает. Конечно, вся эта история с Наследниками и Хранителями для поверхностного взгляда выглядит как предрассудок или какая-то непонятная игра для посвящённых. Но я подозреваю, что всё гораздо глубже и серьезнее. И всё это как-то связано с силами третьего рода. Но если вы устали, мы можем поговорить об этом завтра.

– Сэр Реджинальд, пожалуйста, – закричали мы с Джоном почти в унисон. – Расскажите всё, что знаете, иначе мы сегодня не уснём.

– Ну что ж, ваша любознательность заслуживает уважения, мисс Джейн и мистер Джон, – могу поклясться, что учитель посмотрел на нас с большим уважением. – Силы третьего рода – это то, о чём все предпочитают молчать не только потому, что мало о них известно, но и из-за священного ужаса людей перед Злом, которое может прорваться в наш мир и уничтожить его.

Учитель сделал паузу, собираясь не то с силами, не то

раздумывая, как преподнести нам новые знания, в которых большинство людей не так уж и нуждалось.

– Это силы, которые настолько древние, что они не просто старше Лондона, они старше самых древних племён, когда-то живших на нашей земле. Из древности до нас дошло их название – «Тьма». Это сущность, которая заперта под древним Лондонским Камнем. Вы должны знать, что Наследники и Хранители служат Камню – той самой силе, что держит Тьму на замке. Их дар – это искра того же света, что заключёна в Камне.

– А что же Тьма? – тихо спросил Джон. – У неё тоже есть слуги?

Реджинальд помрачнел и впервые оглядел нас без своей обычной рассеянности.

– Конечно, – сказал он. – Слуг Тьмы называют Сонными колдунами, свои знания они получают от посвящённого к посвящённому и р них мало что известно. Из старинных источников я знаю, что они умеют проникать в сны других людей и повелевать чужой волей... Своё чёрное дело они передают из рук в руки вместе с клинком первого из колдунов. Таких, слава Богу, мало, если вообще ещё остались.

– А вы Хранитель? – спросил Джон.

Реджинальд помолчал. Пальцы его нервно пробежались по пуговицам жилета.

– Я учёный, – сказал он наконец. – Я собираю знание и делюсь им с другими. Но я ещё в начале пути.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечей. Джон хотел ещё о чём-то спросить, но я незаметно толкнула его локтем – мне почудилось, что учитель и так сказал больше, чем собирался. Сэр Реджинальд очнулся от задумчивости, поправил парик, одёрнул жилет – и лицо его вновь обрело обычное выражение.

– Надеюсь, вы успели всё записать и запомнить. Завтра мы поговорим о других интересных вещах, а сейчас вам пора отдохнуть.

Глава 4. Карта силы. Часть 1

– Видите ли, мисс Джейн, мистер Джон, – сэр Реджинальд подошёл к столу и взял в руки фигурку чёрной кошки, повертел её в пальцах, – если вы думаете, что кошка – такое же животное, как собака или лошадь, только меньше и изящнее, знайте – это не так.

Он поставил фигурку на стол и поднял палец.

– Кошка не просто живёт в нашем мире. Она живёт в двух мирах. Для неё то, что мы называем «потусторонним», – просто ещё одна комната в её доме. Как для нас – гостиная или кухня. Она свободно переходит из одной в другую без каких-либо усилий. Знаете, почему все кошки иногда подолгу смотрят в пустоту?

– Может, от скуки, когда с кошкой никто не играет? – предположила я.

– Нет, кошки видят то, что не доступно человеческому глазу. Они могут видеть сущности, которые просачиваются в наш мир, и сразу на них реагируют.

– А что они делают, если увидели потустороннее существо? – я решила выяснить как можно больше о кошках и тёмном мире.

Наставник рассеянно скользнул взглядом по мне и Джону, поправил парик и уже тише добавил:

– Есть основания считать, что они наделены способно-

стями изгонять незваных гостей обратно. Я не берусь утверждать, что кошки сражаются с Тьмой в том смысле, в каком это делают Хранители. Но точно известно, что их мир куда шире чем тот, который видим мы. И что они охраняют наш мир, а когда в этот мир вторгается нечто, что ему угрожает, кошка реагирует первой. Она защищает нашу территорию и нас.

– А мурчание? – спросил Джон. – Почему все кошки мурчат? Они отгоняют этим звуком Тьму?

– Не отгоняют, – он покачал головой. – Правильнее сказать, что кошки удерживает равновесие. Когда один из миров начинает давить на другой, возникает... скажем так, напряжение. Кошки чувствуют его и начинают мурчать. Это не магия в привычном понимании. Это скорее... настройка, подобно той, как музыкант подстраивает инструмент перед игрой. Кошка мурчит – и миры снова звучат в лад.

– Впрочем, – он поправил парик и вернулся к своему обычному тону, – всё это, разумеется, лишь гипотезы. А теперь вернёмся к тому, что можно измерить. Задача по оменологии. Почему чёрная кошка, перебегая дорогу, предвещает несчастье?

– Потому что чёрный цвет – цвет траура, – неуверенно предположила я.

– Поверхностно, мисс Джейн, весьма поверхностно! – наставник поднял указательный палец. – Всё дело в электромагнитной симпатии. Шерсть кошки при движении генери-

рует статическое электричество. Булыжник мостовой, в свою очередь, обладает отрицательным зарядом. При пересечении этих двух полей возникает микровихрь, который... — он заметил наши вытянувшиеся лица и вздохнул. — Короче, кошка и камень не ладят. И это неладье передаётся тому, кто перешёл дорогу.

Джон, который во время этого разговора сидел непривычно тихо, внезапно оживился.

— А если кошка белая? — спросил Джон, едва сдерживая улыбку.

— Белая, мой мальчик, — это совсем другая история. Белый цвет отражает симпатические лучи, поэтому белая кошка, перебежавшая дорогу, приносит удачу — всё просто.

Он извлёк из портфеля таблицу, испещрённую кругами и стрелками.

— Вот, взгляните. Я составил Таблицу силы благоприятных и неблагоприятных знамений. Каждое событие имеет свой коэффициент влияния. Рассыпанная соль — 0,7 по шкале дисгармонии. Разбитое зеркало — 2,3. Встреча с чёрной кошкой — всего 0,4. Но если кошка при этом чихнула, коэффициент возрастает до 1,1.

— А если она чихнула три раза? — спросила я.

Сэр Реджинальд задумался.

— Этот случай требует дополнительных исследований, мисс Джейн. Запишите — я проверю.

Джон уже сполз под стол в поисках упавшего карандаша

и трясся от беззвучного смеха.

Следующий урок был посвящён сомниологии – науке о сновидениях.

– Сны, – вещал сэр Реджинальд, расхаживая по комнате, – это не просто хаотичные образы, порождённые усталым мозгом. Это своего рода мастерская, где сознание работает над тем, что может случиться наяву. Поэтому иногда нам кажется, что мы уже видели то, что случилось, – дежавю. Это не магия, это просто ваш мозг хорошо поработал.

– А вещие сны? – спросила я.

Глава 4. Карта силы. Часть 2

– Результат высокого уровня симпатической настройки, – не моргнув глазом, ответил учитель. – У некоторых людей, мисс Джейн, нервная система устроена так, что она улавливает вибрации будущего во сне. Как антенна. Я, например, однажды во сне увидел, что моя любимая трубка треснет. И что вы думаете? На следующее утро она треснула! – он энергично потряс трубкой, на которой действительно была трещина. – Конечно, я мог просто уронить её, не проснувшись. Но я предпочитаю верить в науку.

– В другой раз приснилось, что я порвал свой старый камзол – и он действительно порвался!

– Случайно? – спросил Джон с самым невинным видом. Сэр Реджинальд на минутку задумался, даже не заметив, что достал из кармана сушёную лапку несчастного крота и зачем-то её понюхал.

– В науке случайностей не бывает! – учитель махнул рукой, отмахиваясь от наивного вопроса Джона.

Джон, который к тому времени уже отсмеялся и вылез из-под стола, уточнил:

– А если человеку снится, что он летает, сэр Реджинальд? Что это значит?

– Это, мистер Торнхилл, означает, что у него повышенное газообразование в кишечнике. Летать во сне – это, простите,

ветры. Наука, знаете ли, не терпит романтики.

Мы с Джоном переглянулись. Я закусила губу, стараясь выглядеть серьёзной.

Самым любимым моим предметом была симпатическая физика – учение о скрытых связях между предметами. Сэр Реджинальд утверждал, что все вещи в мире связаны невидимыми нитями симпатии и антипатии.

– Возьмите, к примеру, иголку и нитку, – он поднёс их к свету. – Почему иголка всегда стремится выскользнуть из рук и упасть на пол именно тогда, когда вы торопитесь? Потому что существует симпатическая связь между иголкой, полом и вашим нетерпением. Нетерпение создаёт вибрации, которые отталкивают иголку.

– А как же закон всемирного тяготения? – спросил Джон, который уже начал читать Ньютона.

– Закон тяготения – это лишь частный случай симпатической физики, мой мальчик. Яблоко падает на голову Ньютона не потому, что Земля его притягивает, а потому, что между яблоком и головой Ньютона возникла временная симпатическая связь. Ньютон просто оказался в нужном месте в нужное время.

Однажды сэр Реджинальд принёс на урок пергамент, с обломанными уголками, испещрённый кругами, линиями и таинственными значками.

– Это, леди и джентльмены, – сказал он торжественно, разворачивая его на столе, – фрагмент древней карты узлов си-

лы. Мне передал его один эксцентричный джентльмен, путешествовавший по Востоку. Видите эти отметки? Это места, где симпатические связи достигают наивысшего напряжения. Где камни могут говорить, а деревья – помнить.

Среди переплетённых линий и непонятных знаков особенно выделялся один. Это было изображение камня с тремя изогнутыми линиями, расходящимися из одного центра, которые выглядели как закрученная в спираль волна или застывший на миг ветер. Учитель заметил мой взгляд.

– Тройная спираль, – сказал он, понижая голос. – Этот древнейший символ – трискелион. Среди нас, учёных, принято считать, что он обозначает места, где сходятся три силы: земля, вода и небо. Или прошлое, настоящее и будущее. Или... – он запнулся, – жизнь, смерть и возрождение.

– А что означают эти линии? – спросил Джон, указывая на пометку рядом.

– По некоторым теориям, наша Земля опоясана невидимыми линиями силы. В местах их пересечения – узлах силы – наши предки возводили святилища. Этот камень, – он ткнул пальцем в спираль, – судя по всему, один из таких узлов. Возможно, единственный во всей Англии. И находится он... – сэр Реджинальд провёл пальцем по пергаменту, – в самом сердце Лондона.

Джон наклонился, разглядывая карту.

– Действительно, этот значок похож на камень, – заметил он. – Как наш Лондонский камень на Кэннон-стрит.

Сэр Реджинальд поднёс лупу к пергаменту.

– Возможно, возможно, – пробормотал он. – Я пытаюсь расшифровать эту карту уже три года. Но наука пока не в силах объяснить все эти символы. Возможно, это просто выдумки древних жрецов. А возможно... – он загадочно замолчал и свернул пергамент.

Я смотрела на карту и моё сердце билось чаще, как от неожиданного открытия. Меня не покидала уверенность, что в этих кругах и линиях обязательно есть смысл, который я должна понять.

Глава 4. Карта силы. Часть 3

Когда я пыталась обсудить карту с братом, он просто смеялся.

– Джейн, ты как сэр Реджинальд, – говорил он, – веришь во всё, что услышишь.

– А вдруг в этом что-то есть? – отвечала я.

– А вдруг нет?

Выполняя наставления сэра Реджинальда, я стала вести дневник снов и других предзнаменований. Записывала все приметы, которые замечала, и то, что за ними следовало. Однажды я записала: «Чёрная кошка перебежала дорогу перед экипажем соседа. Почти сразу я услышала грохот и крики – карета сломалась». Еле сдерживая радость от своего открытия, я показала дневник учителю.

– Совпадение, мисс Джейн, – сказал он, поправив съехавший парик. – Или, возможно, ваш ум незаметно для вас отметил, что у кареты был плохо смазан ход, или она кренилась, потому что давно требовала ремонта.

– Но вы же сами говорили про симпатические связи! – возмутилась я.

– Симпатические связи, мисс Джейн, это вам не шутки. Их нужно измерять, проверять, перепроверять. А кошка с каретой – это лишь *anecdotal evidence*.

Я не знала, что такое «анекдотическое свидетельство», но поняла: спорить с учёным мужем бесполезно.

Джон, в свою очередь, пытался испробовать сомниологию на служанке Бетти, которая жаловалась на бессонницу.

– Вам нужно вести дневник снов, Бетти, – увещевал он горничную. – Записывайте всё, что видите. А потом мы проанализируем ваши сны на предмет симпатических вибраций.

– Ох, мистер Джон, – вздыхала Бетти, – какие там вибрации. Мне снится, что я опаздываю на поезд. Или что зубы выпадают.

– Зубы выпадают – к обновкам, – авторитетно заявил Джон. – А поезд снится к переменам.

– К обновкам? – Бетти оживилась. – Это ж хорошо.

– Но это не точно, – тут же добавил Джон, косясь на меня. – Наука пока не подтвердила.

Так мы и жили: Джон с его скепсисом, я с дневником предзнаменований, сэр Реджинальд с его маятником и удивительными историями.

А потом Джона не стало. Я безуспешно пыталась понять, почему это случилось и можно ли было этого избежать. Я не спала несколько ночей после его смерти. А когда засыпала, мне снились странные сны – не кошмары, а какие-то обрывки сновидений, намёки, которые я не могла понять.

Однажды, перебирая старые тетради, я нашла дневник предзнаменований. Пролистала его и увидела запись, сделанную за неделю до болезни Джона: «Приснилось, что брат

лежит больной. К чему бы это?»

Я смотрела на эти строчки и чувствовала, как холодеет внутри. Я пришла к сэру Реджинальду. Он сидел в кресле, понурый и осунувшийся.

– Сэр Реджинальд, – сказала я, – вы говорили, что сны – это тренировка памяти. А если сон сбывается? Если человеку снится то, что потом происходит наяву?

Он долго молчал. Потом снял парик, положил его на колени и сказал тихо, почти шёпотом:

– Я не знаю, мисс Джейн, возможно, я ошибался. А может быть, есть вещи, которые наука объяснить не в силах. Или мы просто ещё не дошли до их разгадки.

Он уезжал серым октябрьским утром, когда туман ещё не растаял над мостовой и фонари только начинали гаснуть. Я вышла проводить его. Сэр Реджинальд стоял у старого кожаного саквояжа, кутаясь в поношенный дорожный плащ, из которого, как всегда, торчал уголок очередного манускрипта. Шляпа его, на сей раз съехавшая на оба глаза одновременно, придавала ему вид человека, который окончательно заблудился в этом мире, но уже смирился с этим.

– Мисс Джейн, – проговорил он, и голос его прозвучал глухо, без обычной суетливой приподнятости. – Я должен извиниться.

– За что, сэр?

– За то, что наука моя оказалась бессильной. – Он помол-

чал, теребя край плаща. – Я измерял вибрации, составлял таблицы, а самое важное – упустил.

Я хотела возразить, сказать, что он ни в чём не виноват, что Джона не спас бы никто, но он поднял руку.

– Не надо, мисс Джейн. Я знаю, что вы добрая девочка. Но я должен вам кое-что отдать. На память. Или... – он запнулся, – или, возможно, не только на память.

Он порылся в саквояже и извлёк тот самый пергамент – старую карту с узлами силы, линиями и таинственными значками, которую когда-то показывал нам с Джоном на уроке.

– Вот, возьмите. Мне она больше не понадобится. А вам... – Он замялся, и пальцы его нервно пробежались по пуговицам. – Видите ли, мисс Джейн, есть вещи, которые наука объяснить не в силах. Я думал, что эта карта – просто древняя диковинка. А теперь мне кажется, что в ней скрыто нечто большее. Что-то, чего я так и не смог понять. Но вы – другое дело. В вас есть то, чего нет во мне. Искра. Возможно, когда-нибудь вы посмотрите на эту карту и увидите то, что я проглядел.

Я взяла пергамент обеими руками. Он был тёплым и шелестящим от долгого хранения в саквояже.

– Спасибо, сэр Реджинальд. Я сохраню её.

– Сохраните, – кивнул он. – И помните: знание, даже самое древнее, – это только половина дела. Вторая половина – решимость. Этого мне всегда не хватало. А вам, мисс Джейн,

— хватит.

Он подхватил саквояж и направился к карете. У дверцы его шляпа зацепилась — и мне показалось, что она держит его, не пуская в экипаж. Но учитель взял её в руки и неуклюже шагнул внутрь. Я стояла и смотрела, пока туман не поглотил карету целиком.

Потом я вернулась в дом, развернула пергамент и ещё раз провела пальцем по тройной спирали. Я почувствовала, как линии отозвались лёгкой пульсацией.